

Б.Ф.Мартынов

Потенциал правового взаимодействия стран БРИК

В статье рассмотрены фундаментальные различия в правовых системах, правосознании и правоприменительной практике, обусловленные историческими и цивилизационными различиями между странами группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), с одной стороны, и представителями англосаксонского цивилизационного архетипа — с другой. Анализируется влияние этих различий на отношение указанных групп государств к международному праву и многополярному мироустройству.

Ключевые слова: БРИК, правовые системы, международное право, многополярный мир, международное сотрудничество.

В современном непредсказуемом и дисбалансированном мире, характеризующемся «закатом» одних стран-цивилизаций и восхождением других, извечная дилемма «сила права или право силы?» приобретает особые очертания. В этом контексте все суждения о каком-то новом многополярном мироустройстве практически сводятся к одному вопросу: насколько *правовой* характер оно будет иметь? Новации сегодняшнего дня существенно осложняют этот вопрос, поскольку понимание права в мире отнюдь не единообразно и зависит от многих, но, прежде всего, от *цивилизационных* составляющих.

Обратимся к последним системообразующим документам российской внешней политики. «Концепция внешней политики Российской Федерации» 2008 г. гласит: «Глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение»¹. Это подтверждает и «Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.», содержащая положение о том, что «ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции»². Поэтому, на наш взгляд, та фраза из выступления президента РФ на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где он заявляет о том, что «всех нас объединяют ценности, берущие начало в нравственности, религии, обычаях и традициях»³, нуждается в некоторой конкретизации. С учетом положений двух процитированных выше документов получается, что, наверное, «не всех» и «не всегда»...

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, заместитель директора ИЛА РАН (b.martynov@mtu-net.ru).

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 09.03-00803a/P «Исторические, социально-экономические и цивилизационные особенности восприятия идеи многополярного мира в странах Латинской Америки и их влияние на формирование образа Российской Федерации в регионе».

Одной из наиболее животрепещущих проблем сегодняшнего дня является, на наш взгляд, то, что объектом глобальной межцивилизационной конкуренции становится такой регулятор общественных связей, как право, и особенно его специфическая и наименее разработанная отрасль — *международное право*. Это тем более беспокоит, что именно на международном праве и Россия, и подавляющее большинство членов мирового сообщества собираются выстраивать всю систему международных отношений XXI в. «Поддержание и укрепление международной законности», согласно той же «Концепции внешней политики РФ», однозначно провозглашается «одним из приоритетных направлений»⁴ деятельности нашей страны на международной арене. Соответственно, и создание многополярной глобальной архитектуры мыслится нами как основанное исключительно на правовых началах.

Проблема, однако, заключается в том, что исторически- и культурно-обусловленные *различия в правовых системах*, которые присущи основным цивилизациям нашей планеты, сегодня, в условиях резкого увеличения объема международных контактов на всех уровнях социального общения — от отдельных личностей до государства и группы государств, — начинают все больше сказываться на конкретной *правоприменительной практике*. Это сплошь и рядом приводит к тому, что согласие сторон по констатирующей части проблемы (например: «терроризм — это зло», «с пиратством нужно бороться» и т.д.) еще не гарантирует согласия в выборе средств и методов противодействия ей, и в то время как одни готовы заняться разработкой нормы, способной дать четкое юридическое решение, другие пытаются рассматривать эту проблему сквозь призму своих краткосрочных политических интересов. Взять, например, такую актуальную проблему, как вопрос о ядерном нераспространении. Согласие всех с тем, что с «расползанием» ядерного оружия по нашей планете необходимо бороться, еще не гарантирует того, что одни будут бороться с этим злом «не взирая на лица», а другие — в зависимости от своих сегодняшних нужд и выгод, сложившихся на данный момент симпатий и антипатий. В XX в. такой подход демонстрировали США, «просмотревшие» создание ядерного оружия Израилем и Пакистаном, а ныне рьяно выступающие против иранской ядерной программы.

В этой связи нам представляется, что потенциал взаимодействия РФ в области международного права с другими членами группы БРИК, а также с латиноамериканскими и некоторыми западноевропейскими государствами объективно *выше*, чем, например, со странами, принадлежащими к англосаксонскому цивилизационному архетипу. В основе этого лежит исторически и культурно обусловленная разница двух крупнейших правовых систем современности: романо-германской (к которой принадлежат Россия, Китай, латиноамериканские страны и государства континентальной Европы) и системы «общего права» («*common law*»), которой придерживаются англоязычные страны.

Согласно мнению француза Рене Давида, одного из крупнейших специалистов в области правовых систем, английское «общее право», основанное на *судебном решении (прецеденте)* — «это не право принципов, это право процессуалистов и практиков». Что касается США, то там «восприятие правовой доктрины это, скорее, вопрос юридической психологии, чем вопрос права»⁵. С ним согласен и такой крупный исследователь североамериканского права

риканского цивилизационного архетипа, как американец Д.Бурстин, автор трехтомного труда «Американцы: национальный опыт», считающий, что «философия Америки — это философия прагматизма»⁶. Что касается романо-германской правовой системы, в основе которой лежат *писаное право* и жесткие кодексы, то к ней вполне применимо латинское изречение «*Non exemplis, sed legibus, judicandum est*» («*Не конкретные примеры, а законы имеют юридическую силу*»).

Во внутриполитической правоприменительной практике каждая из систем имеет как свои «плюсы», так и «минусы», рассматривать которые не входит в задачу автора. Достаточно сказать, что в случае с «*common law*» право приобретает дополнительный динамизм и лучшую адаптированность к конкретике реальной жизни. Однако в международном праве, которое, как известно, не знает ни воли единого законодателя, ни четко прописанного общеобязательного механизма санкций, подход на «прецедентной» основе ведет к искушению создания виртуального «судьи» в лице какого-то одного самого мощного государства и, таким образом, подмены права международного правом внутренним. Все это мы уже не раз наблюдали на примере реальной политики последних лет (создание Соединенными Штатами «прецедентов», дающих им «право» на бомбардировки Югославии и вторжение в Ирак без санкции ООН, поимка панамского диктатора М.Норьеги на основе решения *американского судьи*, минирование Вашингтоном портов Никарагуа в 1986 г., принятие в США *внутреннего* закона Хелмса-Бартона, который запрещал международную торговлю с Кубой и т.д.). Последними самыми яркими проявлениями нигилизма США в отношении норм международного права стали похищения агентами ЦРУ лиц, подозреваемых в терроризме на территории ряда европейских стран, создание незаконных тюрем на территории других государств, пытки и издевательства над людьми в иракской тюрьме Абу-Грейб и незаконное содержание заключенных на территории военно-морской базы Гуантанамо.

Внутри Соединенных Штатов международное право не только не обладает приоритетом над правом внутренним (в отличие от российской Конституции 1993 г., закрепившей такой приоритет). Оно не является *источником права*, т.е., создавая очередной правовой прецедент или принимая закон, американский судья или законодатель *не обязаны* при этом учитывать существующую международно-правовую норму.

Европейские правовые нормы, отмечал Р.Давид, в англо-американском праве «кажутся часто просто общими принципами, выражающими какие-то пожелания морального порядка или устанавливающими скорее политическую программу, а не нормы права»⁷. Наиболее «пострадавшими» в этом смысле являются, естественно, нормы и принципы права международного.

Весьма показательное отношение некоторых американских юристов к нормам международного права, закрепляющим принцип суверенитета. Согласно, например, Ч.Майеру, суверенитет — «это всего лишь метафора, канал для коммуникации»⁸, поэтому отнюдь не случайно, что принципы и нормы международного права в правоприменительной практике Соединенных Штатов видоизменяемы и подвижны в зависимости от их конкретных интересов на международной арене в тот или иной промежуток времени. Отсюда напрашивается вывод о том, что подчеркнуто пренебрежительное отношение Вашингтона к международному праву в годы правления

администрации Дж.Буша-младшего — отнюдь не временное явление, связанное с субъективными моментами, но феномен, имеющий *цивилизационно-культурную основу*. А культура, как известно, — это то, что по сравнению с экономикой и политикой наименее подвержено коррекции.

Иначе обстоят дела в романо-германской правовой семье. В основу ее писанных законов и кодексов исторически закладывались принципы справедливости, морали и нравственности, разрабатывавшиеся в доктринах средневековых юристов, но восходившие в конечном счете к абсолюту, божественному откровению и т.д. Судья в этой системе лишь *толкует* правовую норму, но никак *не создает новую*. Внести изменения в закон или отменить его, создать новый закон — процесс трудоемкий и, подчас, затратный. Недостатком этой системы как раз и является меньшая адаптированность правовой нормы к изменяющейся среде, связанная с жесткостью кодексов. Здесь во многом сокрыты корни того самого «правового релятивизма», о котором мы говорим в последнее время и который свойственен нам примерно в той же степени, что и странам Латинской Америки, в частности Бразилии.

Во-первых, если право основывается на «вечных принципах» и является лишь «посредником» между этими принципами и повседневной реальностью, то не лучше ли вообще отказаться от «посредника» и попытаться построить жизнь просто на принципах справедливости, этики и морали? Так рассуждали многие, в частности Блаженный Августин, учение которого до сих пор популярно в некоторых католических странах, и «наш» Лев Толстой, который был, как известно, сторонником упразднения права вообще. Во-вторых, жесткость писаного закона иногда подталкивает людей к тому, чтобы обойти его, и порой не совсем законным путем. В Бразилии существует даже специальное, характерное только для этой страны слово *jeitinho*, что на русский язык можно перевести приблизительно как «финт», «отмазка». Однако при всех явных недостатках «правового релятивизма» и признании необходимости неустанной борьбы с ним, отметим, что сильной стороной романо-германской правовой системы является то, что норму права нельзя отменить в одночасье, с беспримечательной легкостью создав на его месте отвечающий «злобе дня» прецедент. В первую очередь это относится, опять-таки, к международному праву.

Говоря о перспективах взаимодействия России с другими государствами — участниками группы БРИК, мы основываемся на том, что и в Бразилии, и в Китае, и в Индии *уважение* к международному праву — это естественная вещь. Для всех латиноамериканских стран, включая Бразилию, международно-правовая норма является источником внутреннего права и обязательно применяется *наряду* с внутренним законодательством. Распространяться об уважении к международному праву в Латинской Америке и о существовании там особой «школы» международного права, на наш взгляд, не имеет особого смысла, поскольку на эту тему написано немало научных трудов, в том числе и в нашей стране⁹. Хотелось бы отметить в этой связи лишь одно. Фраза о том, что между той или иной страной Латинской Америки и Россией «существуют близость или совпадение позиций по наиболее актуальным проблемам современности», которая кочует из документа в документ и стала уже шаблонной, основана на нашем общем *цивилизационно-предопределенном* уважении к международно-правовым принципам, обычаям и нормам.

На этом же основывается неприятие странами Латинской Америки тех внешнеполитических инициатив США, которые идут вразрез с международным правом. Комментируя события в Югославии в 1999 г., эквадорский юрист и политолог К.Фуэнтес отмечал, что «конкретный интерес», возведенный США в ранг абсолюта, «мог получить правовое оформление только в англо-американской правовой системе, что было бы совершенно недопустимо в иберо-американской, основанной на писаном праве и четко сформулированных, «вечных» принципах»¹⁰. Что касается событий в Ираке, которые, как и бомбардировки Югославии, не нашли поддержки у подавляющего большинства латиноамериканцев, то истинную позицию США по этому вопросу лучше всех высказал тогдашний шеф аппарата Белого дома Э.Кард, прямо заявивший: «ООН может собираться и дискутировать о чем угодно, а мы будем делать то, что захотим»¹¹.

Попытки Вашингтона навязать латиноамериканцам свое видение той или иной проблемы, основанные на собственном понимании правового подхода к ее решению и соответствующей правоприменительной практике, как правило, приводят к плачевным результатам. Доктрина «превентивного удара» (*pre-emptive action*), содержащаяся в стратегиях национальной безопасности США 2002 и 2008 гг. и призванная создать новый «прецедент» в международном праве, будучи применена на практике Колумбией в марте 2008 г.*, заставила латиноамериканцев задуматься о том, сохраниться ли в XXI в. в их регионе действенность принципа невмешательства, который на протяжении многих десятилетий делал Латинскую Америку самым миролюбивым регионом земли?

А как обстоят дела в других странах БРИК? В Китае признан принцип верховенства международного закона. Конституция КНР 1999 г. определяет эту страну как «правовое государство, основанное на нормах морали», а конфуцианская этика, заложенная в основу этой морали, осуждает произвольное нарушение однажды данных обязательств (принцип международного права «*pacta sunt servanda*» — «договоры должны соблюдаться») и постулирует «долг каждого стремиться к общему согласию и гармонии». Очевидно, что в отношениях с этой страной у России, как это уже было многократно доказано на практике, существует хорошая возможность для выработки совместных подходов к международному праву, основанных на четких ценностных представлениях.

Ситуация в Индии немного сложнее. Английское колониальное господство привнесло в эту страну систему «*common law*», которая, по словам Р.Давида, «оказалась губительной для развития национальной индийской системы права и индийской правовой школы», причем «английские юристы придавали судебному решению такой авторитет, который за ним никогда не признавался индуистской традицией»¹². После провозглашения Индией независимости в 1947 г. там во многом имел место возврат к традиционным основам. Сегодня наиболее принципиальными чертами национального индийского права являются преобладание закона над прецедентом и уважительное отношение к международному праву, которое уравне-

* Колумбийская армия в порядке «превентивности» нарушила суверенитет Эквадора, нанеся ракетно-артиллерийский удар по его территории и высадив вооруженный отряд для захвата базировавшихся на ней боевиков левой антиправительственной группировки FARC, что вызвало негативную реакцию других латиноамериканских стран и поставило под угрозу мир во всем регионе.

но с внутренним законодательством. Об этом отношении можно судить, например, хотя бы уже по тому, что Индия с самых первых своих шагов в качестве независимого государства отстаивала идею необходимости выработки и принятия в ООН международно-признанного определения «терроризм», против чего, как известно, традиционно выступают Соединенные Штаты.

Резюмируя, необходимо подчеркнуть следующее:

— общность, основанная на схожести правовых систем, доктрин и правоприменительной практики между государствами группы БРИК, способна содействовать стремлению России укрепить правовые начала в мировой политике и построению системы многополярного мира; обеспечить верховенство ООН и международного права параллельно с проведением надлежащей реформы этой организации и актуализацией всего свода международных законов, принципов и обычаев; противодействовать как «старым», так и «новым» вызовам международной безопасности на основе признания принципа неделимости безопасности и ее комплексного, интегративного характера;

— системно-цивилизационные различия в отношении к международному праву, существующие между Россией и англосаксонским миром, объективно затрудняют для России сотрудничество с ним по всем вышеперечисленным пунктам. К тому же необходимо иметь в виду, что любые договоренности, достигнутые по каким-либо конкретным вопросам (например, обновленный договор по СНВ с США), со временем вполне могут потерять свой юридически-обязательный характер в случае, если продолжится деградация общего международного права, в частности такого его общеобязательного принципа, как *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 12 июля 2008 г. — <http://kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. М., 2009.

³ Выступление Президента Российской Федерации Д.А.Медведева на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 2009 г. Нью Йорк, пресс-релиз.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации 12 июля 2008 г.

⁵ Р.Давид, К.Жоффре-Спинози. Основные правовые системы современности. М., 2009, с. 263, 332.

⁶ Д.Бурстин. Американцы: национальный опыт. М., 1973, с. 20.

⁷ Р.Давид, К.Жоффре-Спинози. Указ. соч., с. 297.

⁸ Международное право и международная безопасность. Диалог советских и американских экспертов. М., 1991, с. 267.

⁹ См.: Проблемы Латинской Америки и международное право. М., 1995, кн. 1, 2.

¹⁰ ALAI. América Latina en movimiento. Quito, 26.V.1999, p. 13.

¹¹ Интервью шефа аппарата Белого дома Э.Карда канадской газете «Toronto Globe and Mail» 11 ноября 2002 г.

¹² Р.Давид, К.Жоффре-Спинози. Указ. соч., с. 373.